

«СРЕДНИЙ» ЧЕЛОВЕК КАК ГЛАВНЫЙ СУБЪЕКТ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Ассоциативно массовая культура связана с фигурой мещанина, который не только определяет общий ее тон и характер, но и, по сути, продуцирует ее. Это тот самый «средний» потребитель, которой является ее основой. «Мещанин, – как писал В.В. Набоков, – это взрослый человек с практичным умом, корыстными, общепринятыми интересами и низменными идеалами своего времени и своей среды... Его можно назвать “благовоспитанным” и “буржуазным”... Понятие “буржуазность” я заимствую у Флобера, а не у Маркса. Буржуазность во флюберовском понимании свидетельствует скорее о складе ума, чем о содержимом кошелька. Буржуа – это самодовольный мещанин, величественный обыватель»¹.

Буржуа, таким образом, является, по Набокову, не социальным и даже не этическим критерием, а духовным. «Маловероятно, – пишет далее В.В. Набоков, – чтобы этот тип существовал в первобытном обществе, хотя элементы мещанства можно обнаружить и там... Но, как правило, мещанство возникает на определенной ступени развития цивилизации, когда вековые традиции превратились в зловонную кучу мусора, которая начала разлагаться»².

Характерно, что мещанство, а с ним и массовая культура возникла на определенной ступени развития цивилизации и вековые традиции превратились «в зловонную кучу мусора» именно в Европе, но только потому, что европейцы опередили в своем техническом развитии все прочие культуры, а не потому, что европейцы склонны к мещанству и связанной с ним уютной жизни больше, чем кто-либо.

Как справедливо указывает В.В. Набоков: «Обыватель – явление всемирное. Оно встречается во всех классах и нациях. Английский герцог может быть столь же вульгарным, как американский пастор, французский бюрократ или советский гражданин. У Ленина, Сталина и Гитлера представление об искусстве и науке было насквозь буржуазным. Рабочий или шахтер нередко оказываются такими же откровенными буржуа, как банковский служащий или голливудская звезда... Он — конформист, приспособившийся к своей среде. Ему присущи лжеидеализм, лжесострадание и ложная мудрость. Обман — верный союзник настоящего обывателя. Великие слова Красота, Любовь, Природа — звучат в его устах фальшиво и своекорыстно»³.

Обыватель, таким образом, в определенном смысле явление асоциальное. И когда этот обыватель становится законодателем вкусов и мод, а это происходит, когда количество обывателей становится абсолютно преобладающим в обществе, государстве, возникает ложное ощущение «заката» культуры, ее смерти. В то время как отмирают ее прежние, преимущественно традиционные формы. Выражаясь философско-метафорическим языком, наступают «сумерки идолов». Ортега-и-Гассет Х. писал по этому поводу: «А сейчас давайте вернемся к исходному пункту наших рассуждений, а именно к не затихающим вот уже

столько лет и весьма любопытным спорам по поводу упадка европейской цивилизации. Уже сам по себе удивителен тот факт, что этот упадок был впервые замечен самими европейцами, а не какими-либо другими народами. Тогда, когда никому из людей, живущих на других континентах, и в голову не приходило думать об этом, каким-то немцам, англичанам и французам пришла вдруг в голову такая идея: а что, если мы уже вступили в период упадка нашей цивилизации? Эта идея была так разрекламирована в прессе, что теперь уже абсолютно все говорят о закате Европы как о некоей бесспорной истине»⁴. В то время как «единственное, за что можно было бы зацепиться при попытке определить в общих чертах причины упадка сегодняшней европейской жизни, – это тот комплекс сложных экономических проблем, которые стоят сегодня перед любой европейской страной. Но если мы попытаемся хоть немного уяснить себе, в чем же состоит особый характер этих проблем, то заметим, что ни одна из них всерьез не затрагивает способности воспроизведения богатства и что в этом плане европейские страны переживали в свое время гораздо более тяжкие кризисы»⁵.

Безусловно, сущностные основы массовой культуры обнаруживаются в самом человеке. В соответствии с уже сложившимся представлением о массовой культуре, когда речь идет о ней, она с необходимостью связывается с достаточно абстрактным «средним» потребителем, который, тем не менее, несмотря на свою абстрактность, обладает чертами, позволяющими характеризовать его именно как «среднего» человека, т.е., как минимум, как ни незаурядного, выдающегося, гениального и т.д. К данному обстоятельству необходимо относиться не только как к чему-то само собой разумеющемуся, естественному, но и неизбежному и в целом как позитивному. Человечество во все времена состояло и будет состоять в основной своей массе из «средних» людей, что обусловлено причинами не только социального, но и, по всей видимости, биологического порядка. Причем последние, как нам представляется, выступают как определяющие. Отметим, в рассматриваемом нами контексте не следует вкладывать в понятие «средний» нечто негативное само по себе и уж тем более презрительное. Оно необходимо нам как понятие, характеризующее общество в целом, которое неизбежно состоит из разнородных элементов, и «средний» человек при этом является наиболее распространенным и, соответственно, массовым в данном обществе. Его численное преобладание, массовость детерминируется не только и не столько социальными условиями и предпосылками, сколько естественными чертами субъектов, от природы наделенными «средними» данными, или, иными словами, ни гениальных, ни экстраординарных, но при этом вполне нормальных, психически здоровых, устойчивых, благо разумных.

Следует отметить, что мы взяли фигуру гения в качестве критерия для оценки «среднего» человека, чтобы обозначить верхний предел при оценке субъектов культуры и подчеркнуть, что эти субъекты различаются между собой, что особенно хорошо просматривается на контрастных примерах. С другой стороны, мы не можем отрицать того обстоятельства, что граница между гением и «средним» человеком имеет если и не условный, то во всяком случае подвижный и достаточно неопределенный характер. Мы не располагаем четкими и безусловными критериями, позволяющими, в частности, с необходимой точностью обозначить и отличить гения от не гения. Положение усложняется еще и тем, что при оценке гениальности с неизбежностью примешивается субъективность и заинтересованность конкретных субъектов в той или иной оценке. Так, хорошо известно, что Л.Н. Толстой искренне считал, что Шекспир это посредственный драматург и поэт. Х.Л. Борхес констатировал тот факт, что «для немцев и австрийцев “Фауст” – творение гениальное; для других – он одно из самых знаменитых воплощений скуки, вроде второго “Рая” Мильтона или произведения Рабле. Таким книгам, как “Книга Иова”, “Божественная комедия”, “Макбет”... назначено долгое бессмертие. Однако о будущем мы ничего не знаем, кроме того, что оно будет отличаться от настоящего. Всякое предпочтение вполне может оказаться предрассудком... Кроме барьеров лингвистических, существуют барьеры политические или географические. Бернс – классик в Шотландии, а к югу от Твида им интересуются меньше, чем Данбаром или Стивенсоном. Слава поэта в итоге зависит от горячности или апатии поколений безмянанных людей, которые подвергают ее испытанию в тиши библиотек»⁶.

Р. Музиль указывал на тот занятный психологический момент, что люди охотно хвалят тех, кто признается всеми выдающейся личностью, если отблеск славы падает на хвлящего⁷. В этом случае легко просматривается своеобразная корысть.

«Всякая деятельность человека изумительно сложна, – писал Ф. Ницше, – а не только деятельность гения; но никакая деятельность не есть “чудо”. – Откуда же эта вера, что только у художника, оратора, философа есть гений, что только они одни обладают “интуицией”?.. Люди явственно говорят о гении только там, где действия крупного интеллекта им особенно приятны и где они не склонны чувствовать зависть. Назвать кого-нибудь “божественным” означает: “здесь нам не нужно соперничать”. Далее: всему готовому, совершенному поклоняются, все становящееся недооценивается. Но при созерцании художественного произведения никто не может подметить, как оно возникло, в этом его преимущество, ибо всюду, где можно видеть возникновение, это действует охлаждающе. Законченное искусство изображения отклоняет всякую мысль о его возникновении; оно тиранизирует своим наличным совершенством. Поэтому мастера изобразительного искусства преимущественно считаются гениальными, а не люди науки. На самом деле и первая оценка, и последняя недооценка суть лишь ребячество разума»⁸.

Несмотря на все вышесказанное, никто, тем не менее, не будет отрицать тот факт, что люди всегда отличались и будут отличаться по степени одаренности, и при этом самые одаренные с неизбежностью признавались и будут признаваться гениальными. Само понятие «гений» служит именно для того, чтобы обозначить верхний предел одаренности. И независимо

от того, какой бы субъективный характер не носила оценка гениальности, субъективность сама по себе не отрицает не устраняет самой гениальности. И все сказанное также верно по отношению «средней» степени одаренности и, соответственно, «среднему» субъекту культуры.

Мы намеренно уделили много внимания проблеме наличности «верхнего» и «среднего» субъектов культуры. Отсутствие однозначных и бесспорных критериев оценки как гениальности, так и средней степени одаренности, не отменяет тем не менее определенных фактов и тенденций в культуре – как локальной, так и глобальной. В данной связи следует особо подчеркнуть, что массовая культура – эта та разновидность культуры, где «средние» образцы культуры, а с ними и их носители, творцы, субъекты не только получают окончательное преобладание над всеми прочими образцами и субъектами, но и становятся абсолютно доминирующими. Иными словами, массовая культура – это культура, где вполне господствует «средний» субъект, являясь не только ее творцом и потребителем, но и законодателем. И дело здесь не только в значительном количественном преобладании «средних» субъектов культуры над всеми прочими. Во все времена «средние» субъекты в культуре преобладали количественно над остальными, но только в пределах массовой культуры они стали выступать как господствующие, т.е. по сути повелевающие, законодательствующие. В этом, собственно, состоит феномен массовой культуры с точки зрения ее субъектной сущности. Данное положение носит аксиоматический характер, и мы не можем ограничиться простой его констатацией.

Действительная жизнь такова, что «средний» человек был, есть и будет наиболее распространенным практически во всех социумах. Из этого не следует, однако, что он во всех сообществах и во все времена был одинаков, что он не эволюционировал. Время, почвенно-климатические, географические, расовые, этнические и другие различия с необходимостью формировали различные «средние» человеческие типы в различных культурах. Однако какими бы значительными не были данные различия, «средние» субъекты и величины во всех культурах были и остаются преобладающими. Уточним, что мы имеем в виду не имущественное или социальное положение субъектов – а оно может быть достаточно разнообразным – а их склонность, привязанность, приверженность к определенным культурным образцам, обладающим определенными качествами, которые, как и субъекты, обладают различными уровнями, в том числе «средним». Чтобы еще раз уточнить и внести большую ясность относительно того, что мы подразумеваем под «средним» субъектом, повторим мысль В.В. Набокова, сказанную им в связи с такой культурной фигурой, явлением, как обыватель, который с сущностной точки зрения наиболее достоверным образом воплощает «среднего» человека. Хотя, конечно, не полностью: «Обыватель – явление всемирное. Оно встречается во всех классах и нациях. Английский герцог может быть столь же вульгарным, как американский пастор, французский бюрократ или советский гражданин. У Ленина, Сталина и Гитлера представление об искусстве и науке было насквозь буржуазным. Рабочий или шахтер нередко оказываются такими же откровенными буржуа, как банковский служащий или голливудская звезда...»⁹

Таким образом, «средний» субъект в известном смысле слова явление асоциальное, т.е. его сущностные черты определяются преимущественно не условиями и причинами социального порядка, поскольку он «встречается во всех классах и нациях» и им может быть «английский герцог... американский пастор, французский бюрократ». Хотя было бы, конечно, ошибочным целиком исключить социальный фактор в формировании «среднего» субъекта культуры. Тем не менее, роль детерминирующего фактора здесь играют природные, внутренние черты субъекта, по отношению к которому социальная среда, фактор выступает в качестве внешних условий, которые, как бы они не были важны сами по себе, в лучшем случае способствуют разворачиванию сути субъекта, не меняя ее в корне. Отметим, что данная мысль не противоречит идее социальной сущности человека. Безусловно, человек не может обрести черты личности вне общества. Его взгляды, пристрастия, привязанности, симпатии и антипатии, вкусы и т.д. являются результатом длительного социального воздействия и взаимодействия с другими субъектами. Но коль скоро они обретенны, то уже становится важным, какие именно это черты, и почему личность обретает именно их, а не другие. В данном случае речь идет о предрасположенности субъектов к определенным образцам культуры, рассматриваемые нами с точки зрения их качественного различия. Мы не можем дать принципиальный и уж тем более исчерпывающий ответ, почему одни люди предпочитают одни образцы культуры другим. Но при этом мы можем констатировать, что «средние» по качеству образцы были и будут востребованы «средними» субъектами, правомерно предположив, что сама природа тяготеет к «среднему» субъекту, воспроизводя их в большом количестве. Собственно, данное количество можно интерпретировать как предрасположенность природы. Данная мысль не будет нам казаться неправомерной, если мы возьмем во внимание, что и по физическим показателям природа более «предрасположена» к воспроизводству «среднего» субъекта, вследствие чего данный субъект превосходит всех остальных численно. Как нам представляется, в основе массовой культуры, если

интерпретировать ее с биологической точки зрения, лежит как раз эта природная «предрасположенность» к «средним величинам». Социальные же факторы – при всей их необходимости и важности – играют роль формообразующего начала, способствующего разворачиванию сути конкретного субъекта, а вернее, того набора качеств и свойств, которые заложены в нем изначально и которые он сам не выбирает. Подобно тому, как он не выбирает свою внешность, этническую принадлежность, пол и т.д.

В нашей памяти еще достаточно свежи воспоминания о том, как в советское время государство пыталось приобщить своих граждан к «высокому» искусству и боролось с тлетворным влиянием Запада, который наиболее сильно был подвержен на тот момент воздействию массовой культуры. Сейчас данная культура «торжествует» на бывшей советской территории, несомненно, благодаря тому, что большинство из нас просто предрасположено к ней. И в таком положении можно вполне обоснованно усматривать связь и соотношение субъекта и массовой культуры, которые обладают свойством взаимной адекватности. Иначе и не может быть.

Литература

1. Набоков В.В. Лекции по русской литературе: / Пер. с англ. – М., 1996. – С. 385.
2. Набоков В.В. Лекции по русской литературе: / Пер. с англ. – М., 1996. – С. 385–386.
3. Набоков В.В. Лекции по русской литературе: / Пер. с англ. – М., 1996. – С. 386.
4. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник. / Пер. с исп. – М., 1991. – С. 175.
5. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник. / Пер. с исп. – М., 1991. – С. 176.
6. Борхес Х.Л. Проза разных лет: Сборник / Пер, с исп. – М., 1984. – С. 223.
7. См.: Музиль Р. Человек без свойств. – М., 1993. – С. 220.
8. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. – С. 332.
9. Набоков В.В. Лекции по русской литературе: / Пер. с англ. – М., 1996. – С. 386.